

В чертогах Белой-Агидели

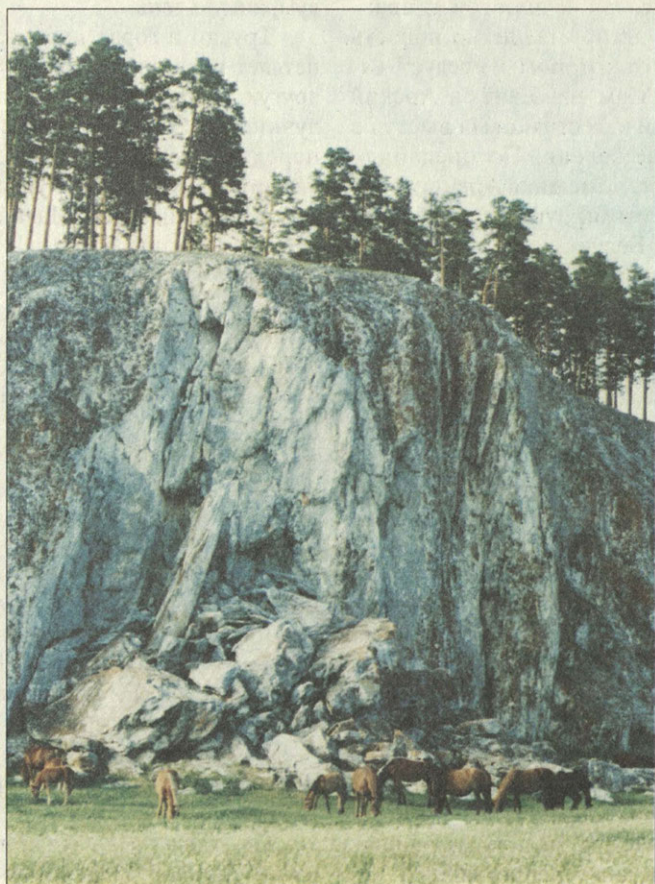
Рим Ахмедов

В башкирской мифологии самый могучий богатырь – Урал-батыр. Однажды в жестокой схватке с драконом-аджахой он добыл живую воду из родника бессмертия. Он мог бы выпить ее сам, чтобы обрести вечную жизнь. Но Урал-батыр разбрызгал воду вокруг, даровав бессмертие природе. А когда он умер, люди насыпали над его могилой высокий курган, от которого и образовались Уральские горы.

У батыра, продолжает древнее сказание, было много прекрасных сыновей и дочерей. Старшая дочь уродилась в отца – мужественная, сильная, волевая. Урал-батыр назвал ее

Иделью и, когда пришла пора, выдал замуж за чужеземного батыра Валдая.

Иделью тюркоязычные народы называли в старину Волгу. Позвольте, спросит читатель, какое отношение имеет Волга к Уралу? Где она течет сегодня, где ее начало и конец – знает любой школьник. Но не каждый поверит, что когда-то исток Волги действительно находился на склонах Урала и лишь в Жигулевских воротах древнее русло великой реки примерно совпадало с нынешним. Версия об уральском происхождении Волги подтверждается современными геологическими исследованиями.

Младшую, самую любимую дочь Агидель Урал-батыр оставил при себе. Доверчивая и простая, баловница и шалунья – светлоглазая Агидель была его радостью и утешением. Она так и осталась жить в отцовском доме, за длинной стеной хребта Уралтау. Живая вода из родника бессмертия перемешалась с ее водой, и река бежит, струится, плещется, оставаясь такой же светлой и юной, как и тысячелетия назад. А ее верховья – воздвигнутые природой великолепные королевские чертоги – привлекают путешественников всех стран.

Река Белая названа так не случайно – вода в ней очень светлая, что особенно заметно при впадении в реку Каму. Здесь она не сразу смешивается с более темной, желтовато-бурой водой Камы. На расстоянии нескольких сот метров две реки текут разными по цвету потоками в одном русле.

Популярность лодочного путешествия с верховьев Белой растет из года в год. От села Кага берет начало плановый маршрут. Однако есть и другой путь, которым пользуются туристы.

Из Белорецка, связанного со столицей Башкортостана железной дорогой и авиалинией, рейсовым автобусом легко попасть до Арского камня, от которого и следует начать путешествие. Сам знаменит и Арский камень – скалистый известняковый выступ в изумрудной оправе зелени. По преданию, владельца этих мест, помещика Арского, мучившего своих крестьян, пугачевцы сбросили с этого камня в Белую.

Река здесь совсем не та, что возле Уфы или даже Мелеуза. Порою кажется, что стоит взмахнуть веслами – заденешь за берега. Под днищем надувной лодки то и дело слышится шорох песка и гальки. Белая преодолевает перепады вприпрыжку. Вот за одним из поворотов открывается пологий берег с лесом, подступающим близко к воде. Здесь тихо, безлюдно. Можно остановиться на ночлег.

Утром от реки поднимается туман. Он не рассеивается долго, до тех пор, пока из-за могучей вершины хребта Северного Крака, лежащего по левобережью, не поднимается солнце. Скоро оно высушило росу, застрекотали кузнечики. Лодки отошли от берега, весла погрузились в теплую, как парное молоко, воду. С каждым новым поворотом меняется пейзаж: то вырастут на пути серый и дряхлый, весь в мелких морщинах утес, то стеною встанет непроглядный лес

или откроется широкая цветущая поляна со светлым гребешком березняка.

Природа раскрывает свою красоту не сразу. Прежде чем создать впечатляющее полотно, она, как истинный художник, готовит массу этюдов. Их мы видим на пути от Арского камня до села Нижнесерменево. А от него до села Узьян вырисовывается эскиз будущей картины. Река здесь приобретает горный характер. Она струится по каменистому ложу, окруженная известняковыми обрывами. А дальше – во всем блеске и великолепии самая неповторимая картина, которой не перестаешь любоваться.

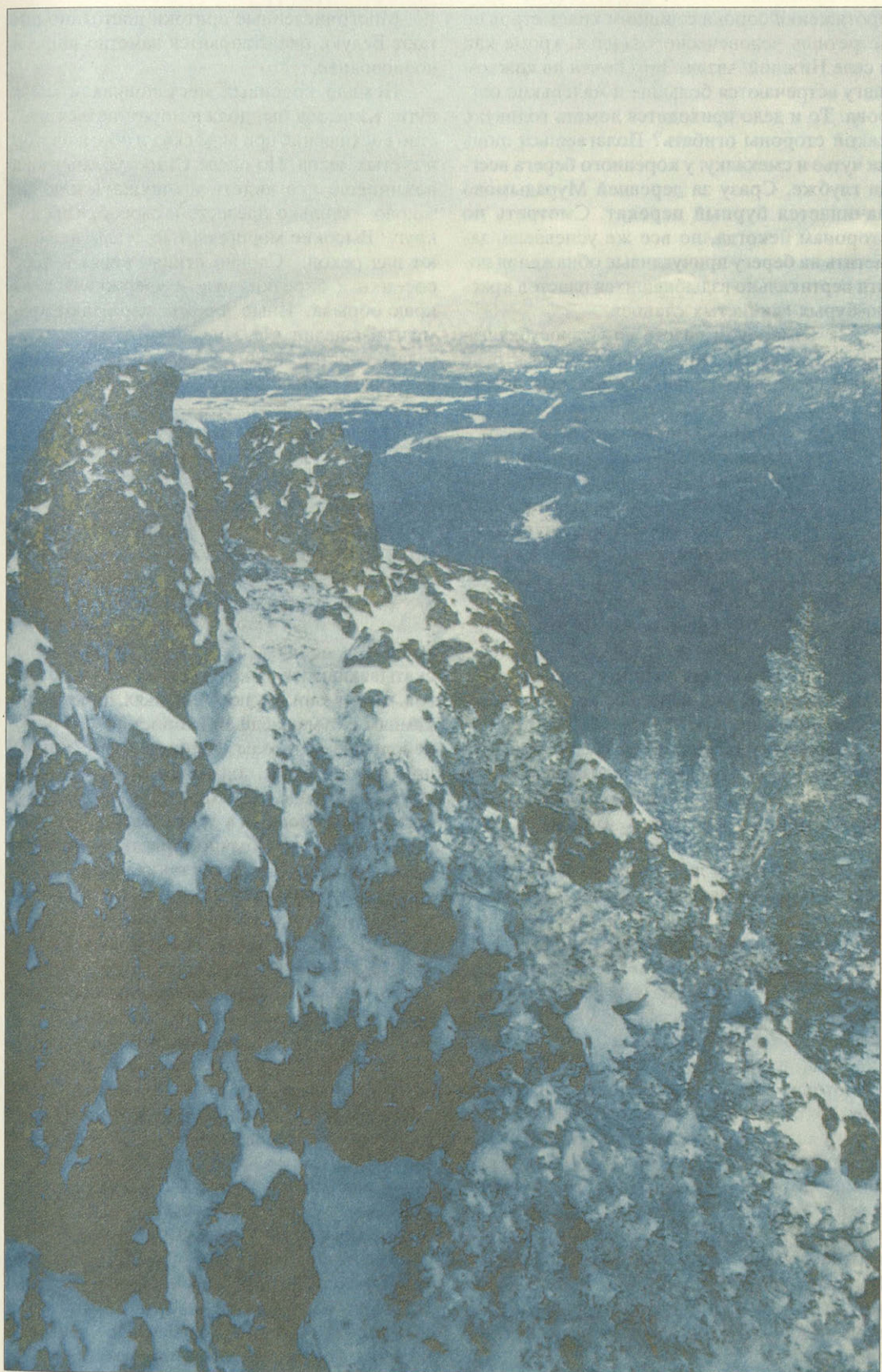
Можно на веслах проходить в среднем по тридцать-сорок километров. Остается достаточно времени и для рыбалки, и для прогулок на окрестные горы. С их вершин открываются необозримые просторы, сплошь утонувшие в зелени лесов. С правой стороны, вычерчивая неровную линию горизонта, тянется хребет Большой Шатак с вершиной Баштау (1270 м), слева – хребет Крака. Все уже становится речная долина между ними, все выше береговые обрывы. Порою прямо из воды поднимаются отвесные утесы, бросая в воду сумрачную тень.

Трудно в горах пробивать дорогу. Вот и петляет река, упираясь то в одну скалу, то в другую, оставляя после села Узьян крутые излучины. И почти возле каждой излучины – перепад. Быстрое течение несет лодку на камни, только успевай увертываться, приходится отталкиваться. Мала река, но часто на ней встречаются острова. Некоторые из них довольно крупные, как, например, Баймурзинский и Доменные ворота, находящиеся на полпути между деревней Кагарманово и селом Кага. Ну как не высадиться на одном из таких островов, почувствовав себя хоть на миг робинзонами!

Ниже острова, за песчаным пляжем левого берега, открывается удивительное зрелище: река, будто ножом, отсекала от возвышающейся справа горы целую скалу и устремилась между ними, как в ворота. Эту скалу, как и остров, также называют Доменными воротами. Она стоит того, чтобы проплыть сотню километров по реке и сфотографироваться на фоне внушительных слоистых известняковых складок.

В Каге всегда много туристов, а в летнюю пору она – своего рода туристская столица Белой.

От Каги река становится все более оживленной и до деревни Мурадымово на

протяжении сорока с лишним километров не встретишь человеческого жилья, кроме как в селе Нижний Авзян. Зато почти на каждом шагу встречаются большие и маленькие острова. То и дело приходится ломать голову: с какой стороны огибать? Полагаешься лишь на чутье и смекалку: у коренного берега всегда глубже. Сразу за деревней Мурадымово начинается бурный пережат. Смотреть по сторонам некогда, но все же успеваешь заметить на берегу причудливые обнажения почти вертикально вздыбившихся пластов красно-бурых глинистых сланцев.

За Тимировом вплоть до Старосубхангулова снова глушь. Круто обрываются к реке серые утесы, густо поросшие вековым лесом, суровым и таинственным. Справа и слева на многие десятки километров – горы да тайга.

Старосубхангулово – центр Бурзянского района, в котором леса занимают чуть ли не все сто процентов территории. Даже сложена близкая к истине шутка: мол, плотность людского населения на квадратный километр уступает здесь плотности “населения” медвежьего.

Медведей в районе, действительно, немало, хотя, может быть, вам и не придется увидеть ни одного косолапого хозяина тайги. В летнюю пору они избегают встреч с человеком.

Гордость здешних мест – знаменитая башкирская пчела-бурзянка, завоевавшая своим медом золотые и серебряные медали на многих всемирных выставках. Бродя по лесу, можно наткнуться на борти – дикие улья. Здесь преобладает липа, и когда плывешь по реке в пору ее цветения, душистый аромат кружит голову.

Очень богата и разнообразна фауна Бурзянского района. Помимо медведей, можно встретить в лесу росомаху и рысь, соболя и куницу, норку и горностая, лису и зайца, лося и марала, глухаря и рябчика.

Села, расположенные вдоль реки Белой, имеют одну общую закономерность: обычно они стоят в устье какого-нибудь притока. Со сновку огибает речушка Ятва. Нижнесерменево рассекается надвое речкой Яндык, а чуть ниже протекает Наяза. Мимо Кагарманова бежит Кухтур. Старосубхангулово омывается речкой Атакуян. Некоторые притоки дали свое название селам. Таковы Узьян, Кага, Большой Авзян, Иргизлы. Все объясняется тем, что в устье притоков обычно делались запруды, необходимые в старину для местных заводов и мельниц.

Многочисленные притоки постоянно питают Белую, она становится заметно шире и полноводнее.

Немало красивых мест повидали мы в пути. Казалось бы, должно притупиться чувство восхищения при виде скал и обрывов, гор и густых лесов. Но после Старосубхангулова начинаешь все видеть и ощущать как бы заново – столько прелести и своеобразия вокруг. Высокие морщинистые скалы нависают над рекой. Словно птицы, парят в небе сосенки и березки, чудом удерживаясь на краю обрыва. Иные деревца вырастают прямо из расщелин, где, занесенная случаем, оказалась горстка земли. С шумом вырываются из горных распадков студеные родники. Реют над скалами орлы.

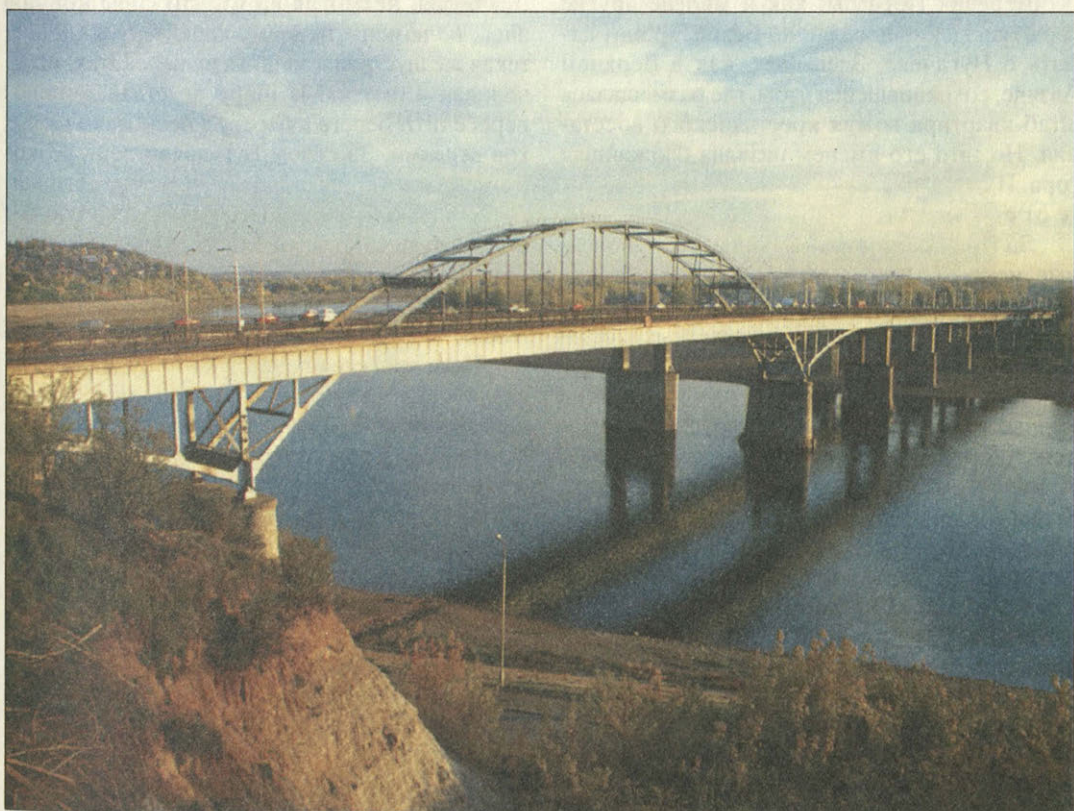
После впадения в Белую реки Каны встает на пути узкий и длинный остров – Усть-Канский. А за крутым мысом, против устья речки Кургас, вытянулся другой островок – Караяр. Устье Кургаса с Белой трудно заметить, потому что оно сухое – воду поглощают трещины в закарстованных известняках.

Белую в этих местах считают горной рекой, но она может показаться спокойным озером, если подняться вверх по ее притокам, скатывающимся с окружающих горных отрогов. Бегут они в узких ущельях, прыгая по камням с сумасшедшей скоростью и образуя небольшие водопады. Пенится в стремительном потоке вода, подмывая и перекатывая тяжелые валуны, отдыхает перед головокружительным броском в синих омутах, где царствуют хариусы. Обычно туристы останавливаются на привал в устьях таких рек и ручьев, чтобы совершить прогулки по их течению. Некоторые притоки вообще не имеют постоянного устья. Белая забивает их своими наносами. Такова речка Таравал, которую можно узнать издали, услышав шум выбивающихся из известняковых обрывов источников.

За Таравалом Белая совершает крутой поворот и открывает взору внушительную скалу, напоминающую по форме стог сена. Ее так и называют Кабан-Таш, или Каменный стог.

Старики рассказывают о скупом богаче Карабае, который забрал себе и без того скудные покосы. Скот у крестьян погибал от бескормицы, а Карабай сметал все сено в один огромный стог и продавал по клочку за неслыханную цену. Проклял его народ, прокляли мудрые аксакалы, и их проклятие превратило сено богача в камень.

Высота скалы более 70 метров, она монолитна, сложена известняками нижнего

отдела девонской системы. Внизу есть пещера галерейного типа.

Издавна селились наши предки в этих благодатных местах: где еще сыщешь столько красоты! Леса изобиловали зверем и птицей, река – рыбой, а непролазные чащобы и горы защищали от незваных гостей. При случае была возможность спрятаться от врага в надежном убежище – пещерах.

Мимо одной из таких уральских пещер проплывают путешественники сейчас – это Шульганская или Капова пещера, прославившаяся древнейшими наскальными рисунками. Расположена она на правом берегу, километрах в пяти ниже Кабан-Таша, и ориентиром может служить устье речки Шульган, вытекающей из небольшого озера перед входом в пещеру. Поблизости от Каповой имеются еще две пещеры – Космонавтов и Жемчужная. Они были открыты спелеологической экспедицией Башгосуниверситета. Возле Кутанова река Белая нашла себе более прямой путь, пробив новое русло по дну пересыхающей в летнее время протоки. Хорошо было туристам прежних лет – они спокойно подплывали к деревне Иргизлы. А теперь она оказалась отрезанной от реки, оставшись на берегу полузаросшей старицы.

Деревня Иргизлы, как и многие другие горнозаводские поселки по Белой, хранит память о Пугачеве. Здесь нет, как в Верхнем Авзяне, сохранившейся избы, где размещался штаб-квартира вождя крестьянского восстания. Но зато его именем названа ближайшая гора. И сколько легенд, преданий вы услышите от старожилов...

За Иргизлами опять начинаются заповедные места. Снова берет нас в свои объятия природа, молча и горделиво выставляя напоказ свои лучшие наряды: бархатные камзолы полян, шитые бисером ночных рос, кружевные каменные сарафаны с монистами из медных сосен и серебряных берез. А за хутором Акбута она предупреждающе поднимает палец: мол, в оба смотрите, начинается главное. Скала Муйнак-Таш и впрямь удивительно похожа на указательный палец, отделившийся от сжатой в кулак горы.

Но мы и без предупреждения чувствуем, что горный край, решив блеснуть на прощание, щедро рассыпает перед изумленными взорами все свои прелести. И эта щедрость в какой-то мере подавляет, вызывая оцепенение, похожее на дивный сон, особенно когда плывешь по узкому ущелью за хутором

Акаваз. На сто и двести метров уходят вверх отвесные обрывы, круглый день покоится в их тени река. Солнце заглядывает сюда лишь случайно, у подножия утесов царит полусумрак. После быстрого бега на перекате Белая замирает на плесах в ленивой истоме, камни беззвучно поют ей колыбельную. Умолкают громкие голоса и смех проплывающих людей. Неведомая сила заставляет их соблюдать почтительную тишину, приличествующую храмам. Любой бесшабашный выкрик звучит кощунством, ибо в эти возвышенные минуты слияния с природой ощущаешь все ее величие и больше познаешь глубину собственной души. Разве из дальних походов мы не приезжаем светлее и чище, добрее и мужественнее, чем были?

Вот перед Кузнецовским хутором встала скала Митрошкин камень, после которой горы внезапно обрываются, будто пятятся назад, не решаясь шагнуть в широкую холмистую степь.

Степь – это пашни, пастбища и покосы, а стало быть, и человеческое жильё. На синюю нитку Белой густо нанизаны деревни, села: Верхнебиккузино, Нижнебиккузино, Сыртланово, Иштуганово, Петропавловка, Акназарово, Юмагузино...

Белая, несмотря на то, что горы кончились, не изменяет своему характеру. Она все такая же шустрая и звонкая на перекатах, молчаливая в омутах. И шире не стала, можно пересечь от берега к берегу в несколько взмахов веслами. За селом Бугульчан река резко сворачивает с юго-запада на север, огибая Сарыгульский хребет. Он состоит из небольших возвышений и сопочных гряд. Скальные обнажения можно видеть и здесь, но они какие-то спокойные, декоративного, что ли, плана.

Путешествие близится к концу, а память, как после просмотра талантливо поставленного спектакля, возвращает нас назад, к отдельным деталям, воспроизводя перед мысленным взором то Кабан-Таш, то вход в Капову пещеру, то Муйнак-Таш, или Митрошкин камень, возле которого лоцман Митрошка разбил хозяйскую барку-беляну, за что был насмерть засечен плетью жестоким заводчиком.

Думается и о том, что Белую не изменит Иштугановская плотина, строительство которой приостановлено. Это хорошо! Ведь тогда и следующие поколения путешественников смогут увидеть эти замечательные пейзажи.